

This is the final peer-reviewed accepted manuscript of:

M. Zalambani, *The History of Mentality and Literature. How the Novel Anna Karenina was received in Russia at the End of the 19th Century*, 'Russian literature', 2013, 74, pp. 417-452

The final published version is available online at:
<https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.11.005>

Rights / License:

The terms and conditions for the reuse of this version of the manuscript are specified in the publishing policy. For all terms of use and more information see the publisher's website.

ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ И ЛИТЕРАТУРА

Как был принят роман «Анна Каренина» в России конца XIX века

Толстой, ты доказал с терпением и талантом,
Что женщине не следует 'гулять'
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

Н. Некрасов, *Автору «Анны Карениной»*

Настоящее исследование является частью более крупного проекта анализа эволюции института брака в произведении Л.Н. Толстого, которое становится своеобразным «зеркалом» современности. В романе «Анна Каренина» Толстой изображает аристократическое русское общество на грани его сотрясения до самого основания. Писатель представляет дворянство в его переходный период во всех исторических, культурных, политических, художественных, экономических и философских гранях, которые проявились в кризисе из-за воззрений и событий второй половины XIX века, одновременно трактуя историю института брака. Уход от патриархального общества приводит к упадку большой семьи и возникновению немногочисленной семьи, основанной на новом браке и на новых ценностях¹.

В романе «Анна Каренина» предлагается подробное описание института брака, действующего в среде русского дворянства до конца XIX века. А Модель супружества, описанная в романе, - брак по договору, а не по обоюдному согласию молодых, устраиваемый двумя семействами как результат торговой сделки или политического альянса между ними, скрепляемого брачными узами, - исчерпывает себя, как показывает взрыв Анны².

Итак, толстовская проза является отражением социальных преобразований, происходящих в России того времени, которые Толстой показывает, прибегая к художественному изображению, к тем репрезентациям, к которым обращается история ментальностей³. Перед лицом этого явления возникает справедливый вопрос: до какой степени такой великий роман о супружеской измене, как «Анна Каренина», является отображением происходящих общественных преобразований и насколько его сила убеждения способна формировать и преобразовывать образ мышления современников в таком литературоцентрическом обществе как русское, где – по словам Гаспарова - часто беллетристика становится «руководством для жизни»:

Particularly after Pushkin, many educated Russians saw their literature as an all-embracing “guide to life”. Literature was regarded, and even regarded itself, as containing the solution to moral problems and the answers to cardinal philosophical questions. It was a political program for the transformation of society, a codex of individual behaviour, a way of understanding the national past, and a source of prophecy about the future⁴.

Между литературой и обществом происходит постоянный, взаимный, динамический обмен, преодолевается «статичность» реализма, понимаемого как точное отображение окружающей действительности и создается «эффект власти» литературы над реальностью.

Широкое распространение толстовского романа на родине и за рубежом, отклики, полученные им среди публики, - всё это наводит на мысль о сильном впечатлении, оставленном этим романом на мировоззрении читателей. Изменница Анна, игнорирующая таинство брака, бросает вызов законам общества и поднимает нравственную проблему. Поведение Анны, намекает на существование альтернативной модели супружеского союза, она проявляет чувства, до сих пор подвергаемые цензуре, её последний крик отчаяния и её трагический конец говорят о необходимости поиска новых решений. Сколько из них и какие были восприняты современниками?

В настоящем исследовании предпринята попытка определить, как современники восприняли это послание, насколько осознали крушение, которое происходило внутри института брака, как они отреагировали на вызов Анны. Она предлагает читателям принять или отвергнуть новый образ жизни и в то же время демонстрирует возможность того, что до этого момента не принадлежало миру реальному, и что неизбежно отразилось на ментальности эпохи.

С этой целью мы обратились к анализу того, как роман был принят критиками после его выхода в свет.

Реакция критики

После большой народной эпопеи *Война и мир* критика, особенно прогрессивная, имела огромные ожидания в отношении литературного творчества Толстого и поэтому осталась разочарованной появлением семейной истории, действие которой происходило в мире аристократии. Критики считали Анну плодом приходящего в упадок знатного сословия и обвиняли автора в игнорировании проблем народа. Общее недовольство в прогрессивном лагере незамедлительно нашло отражение в статье, появившейся в *Новостях* в 1875 г.:

Роман этот породил большие ожидания как в литературе, так и в публике. На первую часть его накинута с такою единодушною жадностью, что книжку «Русского вестника», где он был помещен, приходилось доставать чуть ли не с бою. Но вот в критике начали появляться осуждения разных отдельных промахов автора [...] и публика вдруг охладела к этому произведению⁵.

Николай Михайловский, в то время сотрудник *Отечественных записок*, одним из редакторов которых он станет в 1878 г., написал в 1875 г. знаменитую статью ‘Десница и шуйца Льва Толстого’⁶, которая обосновывает интерпретацию писателя как несознательного демократа. Критика Михайловского обращена, прежде всего, на педагогическую деятельность Толстого. Он обнаруживает в авторе противоречие между его искренним пониманием нужд народа и абстрактным содержанием его доктрины, оторванной от жизни. В Толстом, по мнению критика, уживаются две сущности: одна способствует росту общественного сознания, другая же представляет собой отклонение от «правильного пути» и содержит чисто художественную ценность. К первой принадлежат произведения такие, как ‘Казаки’, *Война и мир*, ‘Утро помещика’, а также педагогическая деятельность писателя, ко второй относятся те произведения, в которых Толстой представляет чувства аристократических салонов и частные превратности жизни светских дам. К

этой второй группе можно отнести и *Анну Каренину*, которая стала зеркальным отражением предосудительных нравов российской аристократии. Всё это можно было бы приписать на счёт графского происхождения писателя, который, исходя из того мира, знал его самые сокровенные «язвы» и пропустил через себя его нормы. Все же Михайловский утверждает:

Надеюсь, читателю понятно, что эта тема [изучение и изображение радостей и тревог аристократических салонов и бурь дамских будуаров] удовлетворяет только потребность творчества г-на Толстого, причем он должен сознавать, что уклоняется от жизненного пути, представляющегося ему правильным или, по крайней мере, должен сознавать, что идет путем неправильным⁷.

Соглашаясь с Михайловским, Петр Ткачев, сторонник народнической и революционной критики, считает, что знатное происхождение Толстого умаляет содержание его произведения. В 1875 г. он публикует в *Деле* статью, посвященную первым двум частям *Анны Карениной*. Исходя из предпосылки, что художественная правда подается через социальное содержание произведения, критик не видит в Толстом никакого новшества и резко осуждает писателя за игнорирование общественных движений времени и за уход в анализ частных, семейных и сексуальных отношений:

Творец «Анны Карениной», по своей художественно-философской теории невидящий никакого интереса в общих явлениях жизни, выходящих за пределы половых, личных и семейных отношений, только этими последними и питает свое творчество, ибо они одни, по его мнению, есть начальная и конечная цель существования⁸.

Итак, *Анна Каренина* становится «эпопеей барских амуров»⁹, «знаменем нравственного упадка», романом, который чуть ли не способствует падению нравственности общества¹⁰. Анна представляется «пустой дамой»¹¹ и в ожидании более определенного суждения, которое будет дано после публикации следующих частей, героиня тем временем остается образом пустым и лишенным глубины.

Этой героине до сих пор, кроме необычайной внутренней пустоты и красивой внешности, автор еще не успел придать никаких других более определенных и знаменательных признаков¹².

Три года спустя критик вынесет свой окончательный вердикт в отношении романа, едва опубликованного полным изданием, и подтвердит по существу свои предыдущие положения. Название эссе, 'Салонное искусство', сразу проясняет мнение Ткачева, который определяет искусство Толстого как плод и отражение пороков высшего света:

На каждом его [Толстого] произведении, и в особенности на последнем, лежит печать салонного искусства, т.е. искусства специально-приспособленного к уровню понимания, нравственного развития, ко вкусу и требованиям салонной публики¹³.

Вслед за Ткачевым редактор газеты *Новое время* Алексей Суворин¹⁴ в своей книге *Очерки и картинки* (1875) публикует литературный портрет Толстого. Будучи еще под впечатлением либерального духа он рассматривает первую часть *Анны Карениной* как настоящий разрез пороков высшего света:

[Е]сли так важны для него народные воззрения, простые и неиспорченные, откуда у него эта любовь к великосветской жизни, эти обольстительные, *развращающие* воображение краски для живописи пошлых великосветских типов, дрянных в нравственном смысле подробностей, ненужного блеска, чванства, блонд, кружев, обнаженных плеч с их 'холодной мраморностью'¹⁵?

Неодобрение в адрес романа поступило от Александра Скабичевского, сотрудника *Отечественных записок*, который увидел в идиллических сценах домашней жизни из прошлого, нарисованных в романе, выражение ностальгии славянофильского типа¹⁶. Согласно автору, Толстой ограничивается архаичными семейными сценами, порочит нигилистов в образе Крицкого, оскорбляет современную медицину (плод европейского влияния) и, наконец, описывает женщину исключительно как хранительницу домашнего очага в положении полного подчинения мужу или же как глупую аристократку, попавшую в любовную западню льстивого графа:

И ведь курьезнее всего, как подумаешь, что это мелодраматическая дребедень, в духе старых французских романов, расточается по поводу заурядных амуров великосветского хлыща и петербургской чиновницы, любительницы ксельбантов... И ведь это пишет все тот же гр. Л. Толстой, автор «Войны и мира», а не начинающий гимназист... Вот оно где полное начало-то конца, совершенная какая-то литературная ростепель!...¹⁷

Четырьмя годами позже тот же Скабичевский обобщает свои предыдущие мысли в статье под названием 'Разлад художника и мыслителя'¹⁸. В ней критик подчеркивает противоречие, в которое якобы попадает граф, шизофренически мечущийся между концептуальным проектом романа и его художественным воплощением. Это, в частности, проявляется в образе Левина, представителя славянофильства толстовского толка (понимаемого как привязанность к земле и к народу), но раскрытого в патерналистско-популистском ключе, в том, который Скабичевский определяет как «московско-культурный абсентеизм»¹⁹. Персонаж Левина (генеалогия которого восходит к *лишним людям* сороковых годов) является как бы *альтер эго* писателя, «положительным типом», которого он вводит «для примера и поучения»²⁰, но его неспособность к действию – это демонстрация краха Толстого как мыслителя:

Вот в каком виде представляется перед нами этот культурный герой [Левин], возросший непосредственно на российской почве. Не правда ли, что-то знакомое, много раз встречавшееся в нашей литературе напоминает он. И даже очень знакомое: ведь это все тот же наш старый приятель Гамлет шигровского уезда, являвшийся перед нами то в виде Рудина или Лаврецкого, то в виде Кирсаного или Щетинина. Это новый вариант все того же почти уже отжившего типа. [...] Возросший на почве крепостного права, он не в состоянии долго бороться с новыми условиями жизни, и Левин является одним из последних его магикан²¹.

Еще в 1875 г. резкая критика прозвучала со страниц *Одесского вестника*, где осуждалась безыдейность, которая якобы доминирует в романе Толстого. В частности, то, что более всего поражает автора, - описание семейной жизни, чувств и душевных переживаний различных персонажей, которое, даже будучи богатым на психологические наблюдения, не поддерживается (как у Тургенева или Гончарова) теоретически-идеологическим планом, являясь самоцелью и совершенно бесполезным. Однако, критик требует

от произведения искусства, чтобы оно было одушевлено какою-нибудь мыслью, а не представляло бы только одни картинки эротического, гастрономического, эстетического и т.п. свойства, ряд которых составляет роман гр. Л. Толстого. Безыдейность этого романа достигает кульминационного пункта. Еда, питье, спанье, охота, балы, скачки, и любовь, любовь и любовь, в самом голом смысле этого слова, не осложненная никакими психическими актами, ни малейшим нравственным интересом – вот начало и конец романа²².

Также и писатель Михаил Салтыков-Щедрин отзывался очень критически в отношении произведения, основанного на описании идиллических сцен из жизни дворянства, как следует из письма, направленного им критику Павлу Анненкову после выхода первых десяти глав *Анны Карениной*:

Вероятно, Вы [...] читали роман гр<афа> Толстого о наилучшем устройстве быта детор<одных> частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы *на одних* половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется *консервативная* партия, которая торжествует. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя²³?

Возмущение Салтыкова ввиду «любовных интриг» в романе *Анна Каренина* таково, что он задумывает написать пародию в форме повести, в которой: «Шпион явится, литератор, который в подражание “Анне Карениной” пишет повесть “Возлюбленный бык”. Смеху довольно будет, а связующая нить — культурная тоска»²⁴. Повесть под названием 'Благонамеренная повесть' будет начата, но завершена не будет.

Также Иван Тургенев, который из Парижа следил за русской литературой, в некоторых своих частных письмах признается в том, что не ценит *Анны Карениной*, находя это произведение скучным и ничтожным. В письме, адресованном Александру Онегину в феврале 1875 г. он выражается следующим образом: «Прочел “Анну Каренину” – и нашел в ней гораздо меньше, чем ожидал. Что будет дальше – не знаю; а пока – это и манерно и мелко – и даже (страшно сказать!) скучно»²⁵. Очевидно, что мнение Тургенева обусловлено также славянофильскими воззрениями Толстого и влиянием знатного общества, в котором он живет:

«*Анна Каренина*» мне не нравится – хотя попадают истинно великолепные страницы (скачка, косьба, охота). Но все это кисло, пахнет Москвой, ладаном, старой девой, славянщиной, дворянщиной и т.д.²⁶.

В 1876 г., когда периодическая печать обращает меньше внимания на роман Толстого, а критические высказывания становятся более острыми, выходит краткая рецензия поэта Петра Вейнберга. Он, даже признавая неоспоримый талант графа, оценивает *Анну Каренину* как произведение заметно худшее, чем *Война и мир*, пораженное многочисленными недостатками, которые состоят, прежде всего,

в крайней бесцветности и смутности образа самой героини, в пустоте, мизерности фундамента, на котором построена так называемая драматическая коллизия произведения, в том несчастном приплетении узкой тенденциозности, о котором [...] мы уже упоминали, и в некоторых других, менее значительных, упущениях и несовершенствах²⁷.

Общий итог либеральной мысли о романе был подведен в серии статей, которые Василий Марков, критик народнической ориентации, посвятил отдельным главам *Анны Карениной*, впоследствии объединенных в книгу под названием *Навстречу* (1878)²⁸. Изыскания автора развиваются на различных уровнях: социальном, психологическом, реалистическом и нравственном. Что касается первого, Марков, вполне признавая высочайший талант Толстого, оспаривает выбор среды, которая служит фоном действия. Согласно своей детерминистской схеме, весь целиком план романа, который вращается вокруг эпиграфа, который гласит: «Мне отмщение, и аз воздам»²⁹, ошибочен, поскольку виновницей является не Анна; виновны общественные условия, в которых живет женщина и которые не предоставляют ей материальной независимости, самостоятельной работы и, зачастую, необходимого образования, чтобы добиться всего этого; виновно общество, которое ставит героиню в положение, не оставляющее ей выхода. Даже характеризуя Анну как «легкомысленную» и «светскую», критик считает ее жертвой общества. Социальный и реалистический планы пересекаются в суждении Маркова, который в отрицании исторического детерминизма со стороны Толстого, видит нарушение художественной реальности. Оба эти плана переплетаются с психологическим, в отношении которого роман представляет несколько слабых мест. Самое показательное из них состоит в том, что изменившееся поведение Анны по отношению к мужу во время её болезни является внезапным, не имеет глубокой художественной подготовки, и потому нарушает художественную истину: «Нравственное превращение Анны Карениной, как оно выставлено в романе, представляется просто невероятным и невозможным»³⁰. Эта ошибка порождает другую, которую Марков определяет как психологическое противоречие: «Толстой, по нашему мнению, сбился с правильного пути и ему не удастся превратить фальшь в художественную правду. Рождаются только новые психологические противоречия, и одна запутанность влечет за собой другую»³¹. И, наконец, по мнению автора, даже имплицитная моральная оценка Толстого, является консервативной и аристократической, основанной на идее того, что семейная ячейка основывается на договоре, который определяет ее правила, а также личное и общественное поведение, игнорируя индивидуальные чувства и страсти. Что приводит Маркова к утверждению, не без иронии:

Мораль и назидание. О молодые, светские дамы, не бегайте от старых, ненавистных вашему сердцу мужей, не бегайте, потому что большой свет постыдится опять принять вас в свои раздушенные объятия, и вы испытаете нестерпимые уколы своему самолюбию и гордости!³²

По существу все статьи Маркова основываются на идее того, что *Анна Каренина* представляет мир дворянства и игнорирует жизненную силу народа, которая, однако, обнаруживается в *Войне и мире*. Из этого следует, что Анна фигура пустая, эфемерная, плод того общества, из которого она происходит.

Единственная диссонирующая нота в хоре либеральной критики прозвучала со стороны писателя Глеба Успенского, сотрудника *Отечественных записок*, который в отличие от многих своих современников уловил общественную суть романа, не затрагивая, при этом, тему института брака.

Успенский, в одном личном письме, выражает желание написать серию статей о современности, подсказанных романом Толстого:

У меня сложился ряд этюдов под названием *Разговоры об Анне Карениной*. Если Вы помните этот роман, то согласитесь, что он – богатая тема для изучения современной русской жизни, направления современной русской мысли и русского человека вообще. Всех разговоров (не разговаривающих) четыре: физиолог, славянофил, нигилист и мужик (которого расспрашивают). Материал романа, сообразно профессии или типу разговаривающего, перемешан с материалом самой действительности³³.

Хор критики поднялся также из консервативного лагеря, деятели которого оценивали героиню с нравственной точки зрения, отвергая «низкий философский разрез» романа и подход писателя к славянофильскому вопросу, предложенный в последней части романа. Даже персонажу Левина не удается вызвать их симпатии, поскольку его религиозные размышления не убедительны. Один из первых отзывов консервативной критики был дан в статье писателя Всеволода Соловьева, автора исторических романов и критика, сотрудника периодических изданий, таких как *Русский вестник*, *Заря*, *Вестник Европы*. Он публикует в газете *Петербургские ведомости* комментарий на первую часть *Анны Карениной*. Автор, придерживаясь скептической позиции, тем не менее, не оставляет роман без положительных замечаний: начало романа имеет свою действительную ценность, потому что не переполнено персонажами и чрезвычайными событиями; роман прост и описывает жизнь с большим правдоподобием. По мнению Соловьева, Толстой описывает «настоящую» жизнь, т.е. жизнь дворянства: «На страницах 'Анны Карениной' перед нами ясно и отчетливо проходит все то, из чего состоит ежедневная жизнь наша, что хранится в нашей памяти и составляет наши семейные, домашние воспоминания»³⁴. Автор определяет в Степане Облонском «тип русского барина», оторванного от реальной жизни и изображенного в литературе того времени, и видит в Долли отображение современной женщины («Долли – это тоже вполне живая и знакомая нам женщина»³⁵). Таким образом, семейная история Облонских, которая не преступает неписаный свод законов, регламентирующих брак по расчету, это что-то очень известное русскому читателю и, особенно, что-то представительное из жизни русского дворянства. В соответствии с таким кодексом, супружеская измена допустима, если она происходит за кулисами и не выставляется напоказ в обществе, именно потому, что брак по расчету – это договор, который не предусматривает любви и чувств. Именно в этом плане происходит надлом Анны, заключающийся в вызове, который она бросает обществу, раскрывая свои чувства и свою измену. Соловьев находит утешение, видя, как представлен мир дворянства, оплот традиций и ценностей России, и именно поэтому боится возможного дальнейшего развития характера Анны: «С ней мы еще мало знакомы, и не знаем как смотреть на нее; покуда у нас является невольное недоверие к ее доброте и всяким ее качествам...увидим, что сделает из нее автор»³⁶. После обнаружения измены Анны, Соловьев опровергает свою оговорку и даёт героине свою окончательную оценку. Новая рецензия пронизана тонкой ноткой порицания, вызванного «аморальным» поведением Карениной; в то время как муж изображен как «положительно симпатичная фигура», жена предстает фигурой жалкой и второстепенной.

Героиню романа, красавицу Анну, мы оставили в 1 № «Русского вестника» очень бледной фигурой и недоумевали, что из нее выйдет. Теперь из нее вышла очень неинтересная женщина, без особенного ума, без особенной доброты, без злобы, даже без той стихийной силы и страсти, которые в своих ярких, горячих порывах могут быть так невольно привлекательны, что им прощаешь многое³⁷.

После того, как Анна выдала свою тайну³⁸, сцена объяснения между двумя супругами, устроенная Алексеем Александровичем с целью «уберечь жену от ошибки», раскрывает нежелание героини склоняться перед правилами приличия. Она полагает, что муж взволнован больше мнением общества, чем своими чувствами: «Ему все равно, — подумала она. — Но в обществе заметили, и это тревожит его» (т. 18, с. 155)³⁹. Действительно, в этих главах обрисовывается характер героини, женщины, которая решает бросить вызов общественному кодексу тогдашней аристократии. Против этого восстания критик мечет свои стрелы: «Это [сцена объяснения] замечательная и глубоко художественная, драматическая сцена; это сцена, дух захватывающая по глубине, правде и чувству. Но какой жалкой и пошлой, дрянной женщиной глядит из нее Анна»⁴⁰. Третий выпад Соловьева превращается, в полном смысле слова, в резкую безжалостную критику; он один из немногих, отрицает талант Толстого, утверждая, что «он ‘исписался’, его деятельность окончена и отошла в прошлое»⁴¹ и что персонаж (или поведение) Анны непоправимы: «Есть только одно, что уже непоправимо, и о чем можно судить и в настоящее время – это сама Анна Каренина⁴²».

С другой стороны, писатель Николай Лесков в одном из писем Ивану Аксакову в 1875 г. рассуждает об *Анне Карениной* как о заметной вехе в истории романа, даже если любовная интрига не вполне убедительна. К сожалению, публика не чувствует величия произведения, а критика, по самым разным причинам, всё больше дистанцируется от последнего романа писателя:

Что же про «Анну Каренину»? Я считаю это произведение весьма высоким и просто как бы делающим эпоху в романе. Однако у нас роман *дружно ругают* [...]: светские люди раздражаются, видя свое отображение, и придираются к непристойности сцены медицинского осмотра княжны Китти⁴³, а за настоящими светскими людьми тянут ту же ноту действительные статские советники, составляющие теперь довольно значительную общественную разновидность, с претензией на хороший тон. Литературщики злобствуют потому, что роман появляется в «Р[усском] в[естнике]» — для них этого довольно⁴⁴.

Со страниц *Русского мира* доносятся слова оценки, высказанные Василием Авсеенко⁴⁵, который, хоть и выражая в адрес автора некоторую слабую критику, рассматривает роман в положительных тонах, поскольку он передает атмосферу прошлых времен и рисует образ жизни и прелесть истекшей эпохи:

Тайна прелести, окружающей героев и героиню романа, заключается именно в том, что они сохраняют в себе и в своей жизни черты прежних людей, прежней эпохи, что они инстинктивно и органически враждебны «мещанству». Таким образом, вся прелесть жизни сводится к сохранению ее прежних очарований, к поддержанию живучести преданий⁴⁶.

Значение произведения, по мнению Авсеенко, состоит в противопоставлении пустоты современной эпохи (которую он обобщает под термином «мещанство») полноте прошлых традиций.

Среди последних выступают на первый план идеал семьи (в которую влюблен Левин) и старый образ жизни дворянских семей, представленный Щербацкими. В своем хвалебном слове патриархальной семье он выделяет образ Китти, плод этого архаичного образа жизни. В следующей статье Авсеенко останавливается на образе Анны, оставляя нетронутым нравственный вопрос, чтобы оценить естественность и внезапность ее чувств. Вместо того, чтобы уловить в Анне симптом будущего, он видит в ней связь с прошлым: ее личная, интимная история становится символом литературной традиции, основанной на чувствах, а не на политических идеях, которые пронизывают всю «новую литературу», упадочническую и лишенную ценности. Женственность Анны, подлинность ее внутренней борьбы, презрение, которое она испытывает к себе самой после измены мужу, являются частью такой глубокой интимной сферы, которая ее сближает с великими женскими персонажами русской классической литературы от Татьяны Лариной до Веры из *Героя нашего времени*. По мнению Авсеенко, речь идет о семейном романе в настоящем смысле слова и поэтому он удовлетворяет требованиям искусства:

Задача художественного произведения заключается в настоящем случае не в том, чтобы явиться на помощь жизни с готовой развязкой для ее проблем, а в том, чтобы анализировать явление жизни, дать почувствовать его трагизм, его безысходность⁴⁷.

Философ Константин Леонтьев является автором знаменитой статьи, посвященной *Анне Карениной*, в которой он сравнивает графа Вронского с графом Толстым, опираясь на литературоцентристскую и славянофильскую концепцию. На основе первой он утверждает, что влияние литературы выше, чем влияние семьи и школы, и поэтому поучения такого автора как Толстой, возвысившегося над всеми русскими и иностранными писателями, это очень мощное оружие, которое может отразиться на душе читателя. Выступая против гоголевского наследия, которое довольно долго господствовало в русской литературе, обесценивая повседневную жизнь русского народа своим натурализмом, Толстой, наконец, представляет правдивый образ верхушки русского общества и, посредством персонажа графа Вронского, подает пример патриотизма и героизма⁴⁸. В восхвалении этого персонажа мы обнаруживаем второй базовый элемент кредо Леонтьева: вера в армию как опору государства автократического, религиозного и не поддающегося влиянию Запада. Поэтому добровольное вступление в армию Вронского является, в его глазах, героическим поступком, достойным подражания и похвалы.

Леонтьев проводит более глубокое исследование творчества Толстого и *Анны Карениной* в книге *Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л.Н. Толстого* (1890). В этой книге автор подтверждает и углубляет предыдущие тезисы, утверждая, что *Анна Каренина* стоит даже выше, чем *Война и мир*, поскольку менее насыщена бесполезными натуралистическими деталями и потому что в этом романе «все дышит своим временем»⁴⁹. Леонтьев один из немногих критиков, который замечает, что *Анна Каренина* представляет собой результат и отражение пореформенных изменений. По мнению Леонтьева, эти изменения имели определенные негативные проявления в общественной жизни, но в личном плане принесли положительные перемены:

Гр. Толстой знает по опыту, что политическое брожение России с начала 60-х годов, расстроив глубоко наше общество, произвело, однако, с этой стороны значительное личное в нас 'оздоровление', как любил выражаться Аксаков. [...] Образованные, умные и тонкие люди годов по-реформенных стали так, сказать, 'тенденциознее', чем люди до-реформенные; но они зато сделались трезвее в личных отношениях⁵⁰.

Великий современник Толстого Федор Достоевский в своем *Дневнике* также несколько раз обращается к *Анне Карениной*. Писатель, который не оценил первую часть романа, определив его довольно скучным⁵¹, после прочтения шестой и седьмой частей изменил свое отношение и полагает, что Толстой является наследником лучших русских традиций: от Ломоносова до Пушкина и Гоголя. Более того, *Анна Каренина* имеет такие глубоко русские корни, что может считаться примером исконной литературы, достойным, чтобы быть предложенным вниманию Европы⁵². В действительности, позиция Достоевского направлена на утверждение права русской цивилизации высказать свое слово перед Европой. В то же время он подтверждает свой тезис, что зло присуще человеку, и Анна как раз и проливает свет на виновность человеческой души: «В «Анне Карениной» проведен взгляд на виновность и преступность человеческую»⁵³. Она показывает, что зло существовало до человека, и в то время как западная культура считает, что человеческое существо часто действует в обстановке, где правит ложь, и тот, кто совершает преступления, неизбежно будет потом наказан, идея Достоевского, подтверждаемая *Анной Карениной*, состоит в том, что зло неизбежно, от него нельзя абстрагироваться, и никакая общественная структура никогда не будет в состоянии искоренить его⁵⁴. Но последняя часть романа, в которой Толстой объясняется по поводу конфликта в Сербии, приводит Достоевского на критические позиции. Как считает автор *Дневника*, Толстой пользуется своим *альтер-эго*, чтобы выразить свое мнение по очень актуальному вопросу: конфликту на Балканах, и его авторитетный голос мог бы негативно повлиять на публику, поэтому стоит его опровергнуть⁵⁵. И тогда, в своем *Дневнике*, верный своей идее возвращения к народу и русской земле⁵⁶, он ведет серьезную полемику с идеями Толстого по сербскому вопросу:

Сущность этого взгляда [Толстого], насколько я его понял, заключается, главное, в том, что, во-1-х, всё это так называемое национальное движение нашим народом отнюдь не разделяется, и народ вовсе даже не понимает его, во-2-х, что всё это нарочно подделано, сперва известными лицами, а потом поддержано журналистами из выгод, чтоб заставить более читать их издания, в-3-х, что все добровольцы были или потерянные и пьяные люди или просто глупцы, в-4-х, что весь этот так называемый подъем русского национального духа за славян был не только подделан известными лицами и поддержан продажными журналистами, но и подделан вопреки, так сказать, самых основ... И наконец, в-5-х, что все варварства и неслыханные истязания, совершенные над славянами, не могут возбуждать в нас, русских, непосредственного чувства жалости и что 'такого непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть'⁵⁷.

Друг и внимательный читатель Толстого Николай Страхов⁵⁸, пребывая в постоянной переписке с графом, следит за всеми эволюционными этапами *Анны Карениной*, но он, даже утверждая в 1877 г., что влюбился в роман («Я влюбился в Ваш роман ужасно»⁵⁹), не может уловить новшества, привнесенного Карениной. Более того, в 1833 г. в одной из статей он называет произведение двуликим романом. Положительный облик представлен Левиным, человеком

мыслящим, искренним, чистым, простым, который обращается к религии в поисках спасения, а отрицательный - Карениной, женщиной, которая находится в вечном конфликте с самой собой и которая не в состоянии найти решение своим внутренним переживаниям:

Левин нашел спасение в религиозных мыслях, но *Анна*, принадлежавшая к миражному верхнему слою, несмотря на все свои мучения, не образумилась ни на минуту, не знала даже, куда обратиться, чтобы искать спасения. Это отсутствие всякой серьезности в понятиях так называемых образованных людей, отсутствие того, что собственно называется нравственностью, с великим мастерством изображено в картинах большого света⁶⁰.

Придется подождать девяностые годы, чтобы критика поняла значение произведения Толстого, как это показывают слова писателя и критика Константина Головина, который в 1897 г. утверждал, что *Война и мир* и *Анна Каренина* – это два шедевра всемирной литературы, непонятые современниками:

«Война и мир» и «Анна Каренина» стали теперь всемирным достоянием, одинаково родным всем образованным людям. Но при своем появлении они не сразу завоевали себе живую популярность среди русских читателей, и в этом отношении им гораздо более посчастливилось за границей. Особенно заметно это сказалось на «Анне Карениной», к которой наша критика отнеслась на первых порах далеко не симпатично⁶¹.

Психологический подход

Фронт, на котором сходится вся критика, - это манера психологического прочтения произведения, которая предоставляет широкий простор чувствам и эмоциям. Толстовская ловкость в изображении интроспективного аспекта своих персонажей провозглашается Страховым в его очерке о *Войне и мире*, в котором автор утверждает, что великое мастерство художника состоит в его сущности быть «реалистом-психологом»⁶². Это мнение разделяют все современники, и оно стало одним из лейтмотивов литературы о Толстом, перейдя также в следующий век, особенно посредством работ советских критиков.

С этой точки зрения, Владимир Чуйко, критик, близкий по убеждениям к организации «Земля и воля», отдалается от различных консервативных или либерал- народнических групп, которые выразили неодобрение произведению, и представляет его преимущественно психологическую интерпретацию: «Итак, в “Анне Карениной”, все сводится на психический анализ. Этот анализ приводит к изображению характеров, – и тут-то, главным образом, Л.Н. Толстой является особенно великим художником»⁶³. Ссылаясь на психологию философов-позитивистов, таких как Герберт Спенсер, Ипполит Тэн и на философию бессознательного Эдуарда фон Гартмана⁶⁴, в которой находим некоторые предварительные признаки фрейдизма, Чуйко утверждает, что Толстой является великим психологом, потому что исходит из предпосылки, что порывы человеческой души, по большей части, бессознательны⁶⁵. Особенно характерно, что Чуйко, будучи внимательным знатоком западной литературы, помещает роман Толстого в большой пласт европейского романа XIX века и определяет в *Анне Карениной* тот инновационный элемент, который ускользнул от его современников. Он состоит в показе влияния западной литературы, которая просматривается в *Анне Карениной*, и

потому включает произведение Толстого в традицию европейской художественной прозы XIX века. Таким образом, психологическая интроспекция сближает русского автора и Стендаля так, что, по мнению Чуйко:

[П]о временам, читая Бейля [Стендаля], кажется, читаешь графа Л. Толстого, и наоборот, некоторые страницы «Анны Карениной» до иллюзии напоминают «Rouge et Noir», или «Chartreuse de Parme»⁶⁶.

Также и критик, подписывающийся Ваню, который публикуется в журнале *Свет*, находясь, как и Чуйко, под влиянием Спенсера, утверждает, что Толстой тончайший психолог, что проявляется как в портрете Каренина, блестяще изображенном как «l'homme machine à projets»⁶⁷, так и в портрете Анны. Написанная кистью психологического совершенства, она кажется вышедшей из трактата по психологии:

Читая эти строки, невольно удивляешься, что их писал не специалист психиатр-психолог; удивляешься тому художественному ясновидению, при помощи которого Толстой, напр., понял, что воспоминание о сильном потрясении может отсутствовать на-яву и отражаться на сонных грезах, усиливаясь именно вследствие подобных сновидений. В медицинской литературе есть уже подобные наблюдения, хотя они все же крайне редки⁶⁸.

Психологическая интерпретация доминирует также в статье, появившейся в журнале *Дон* и посвященной первой части романа. Автор рецензии стремится выделить значение Толстого как опытного портретиста и тонкого художника, передающего душевные и психические порывы человека. Критик хорошо описывает сущность характера Степана Облонского и его противопоставление характеру Левина:

Степан Аркадьевич жил больше физиологическою жизнью. Левин же умственною, нравственною. Степан Аркадьевич плавал на море житейском, Левин же – нырял. Степана Аркадьевича несли течения и ветры, Левин же боролся с ними и шел своим путем. Один ощущал, другой мыслил⁶⁹.

К течению «психологической критики» принадлежит статья, появившаяся в *Новостях* в 1875⁷⁰ г., в которой автор, выступая против критики, идущей со всех сторон в адрес автора *Анны Карениной*, утверждает, что роман является шедевром психологической интроспекции и, ссылаясь на душевные порывы Китти, подтверждает:

Такую полную картину душевного настроения и душевной борьбы может передать только громадный талант. Каждая строчка дышит правдой, каждое движение души бы как будто сами испытываете, и вот чем велик гр. Толстой, как романист-психолог. Пусть нападают на завязку романа, пусть нападают на отдельные промахи его, но «Анна Каренина» по силе своей должна занимать одно из высших мест в литературе⁷¹.

К хору всеобщей «психологической критики» присоединяется Авсеенко, который в январском номере *Русского вестника* 1876 г. не останавливается на восхвалении прошедших времен, как он делал это в прошлых статьях, но расхваливает роман за его художественную ценность и, особенно, за мастерство, с которым описываются переживания человеческой души:

Впрочем, мы конечно не ошибаемся, если скажем, что важнее всего необыкновенное богатство оттенков, которыми граф Толстой рисует развитие чувства. Живопись чувства справедливо считается достоянием только больших художественных талантов⁷².

Реалистический подход

Психологическая живость персонажей ощущается современниками как выражение толстовского реализма: «лишняя» деталь становится средством для описания чувства и, таким образом, усиливает его и придает ему символичность. Следовательно, психологический и реалистический подходы соединяются и сопровождают критику *Анны Карениной* как постоянная величина, которая не знает философско-политических отличий, как следует из слов Суворина:

Это одно из самых реальных произведений реальной русской литературы; никто бы так не изобразил женскую натуру, как сделал Толстой, никто бы так не низвел любовь с ее психологических подставок на чисто физиологическую, материальную почву⁷³.

Также и Михаил Громека определяет произведение Толстого как лишенное какой бы то ни было идеализации и утверждает, что его персонажи представляют портрет жизни своего времени:

Одна из самых симпатичных сторон таланта гр. Толстого, это – та, что люди, их чувства и поступки выходят из-под его пера в той самой пропорции света и тени, из которой слагается действительная жизнь. [...] Гр. Толстой поражает жизненностью своего правдивого рассказа, чуждого всякой ложной идеализации⁷⁴.

Того же мнения придерживается и Леонтьев, который считает, что Толстой довел до совершенства линию русского реализма, достигнув необычных вершин, которые принесли ему европейское признание:

Но он же со дня зачатия и со времени создания «Войны и Мира» до того неизмеримо (хотя и на той же почве шероховатого и ненужного) перерос всех современников своих во всех других хороших отношениях, что на пути правдивого и, так сказать, усовершенствованного реализма, ничего больше прибавить нельзя⁷⁵.

Тот же Достоевский утверждает, что мастерство Толстого величайшее и выражается «с небывалым доселе у нас реализмом художественного изображения»⁷⁶.

И, наконец, некий анонимный рецензент публикует в *Новостях* статью, в которой проницательно обнаруживает в технике «лишних» деталей новую повествовательную речь, стремящуюся произвести эффект реальности⁷⁷:

Когда граф Толстой описывает обед в трактирах, вы точно присутствуете за этим обедом и слышите живого татарина, называющего блюдо по-французски; когда граф Толстой описывает бал, вы чувствуете себя на бале: так все исполнено жизненной правды до самых, по видимому, пустых мелочей⁷⁸.

В области психологической и реалистической критики преодолеваются разногласия между многими философско-социальными течениями конца XIX века. Несмотря на критику в адрес романа с разных сторон, все сходятся во мнении, утверждая превосходство и мастерство Толстого реалиста и

психолога. В дальнейшем эта традиция будет продолжена, ознаменовав начало великой эпохи русской советской критики Толстого-реалиста.

Суждение об Анне

Моральное (и моралистическое) отношение к Анне касается не только читателей, но относится и к самому Толстому, позиция которого двусмысленна и изменяется в течение написания романа; со временем автор кажется обольщенным своей героиней, которую все же считает виновной, и намеревается обвинять ее с самого начала, как следует из эпиграфа, Пресса отмечает некий диссонанс в толстовском произведении между явным желанием осуждения героини и открытой симпатией, которую автор испытывает к своему персонажу. Громека считает, что «Сочувствие читателя [...] явно на стороне Анны»⁷⁹, а Соловьев, голос которого слышен во всеобщем хоре нападок, обращенных против безнравственного поведения героини, утверждает:

Ее образ как-то дwoится перед читателем, и являются две Анны Карениной – одна выходит из самого романа, а другая из отношения к ней автора. Поэтому, когда он от себя говорит о ней, то кажется, будто он говорит не о той женщине, которую описывает⁸⁰.

Александр Скабичевский обнаруживает противоречие другого рода в отношении писателя к Анне. Он полагает, что громкий эпиграф, введенный Толстым–мыслителем не подходит к банальной любовной интриге, созданной Толстым–художником:

На первом плане романа разыгрывается перед нами трагедия страсти Анны Карениной и Вронского. К этой-то трагедии гр. Л. Толстой, в качестве мыслителя, и отнес грозный эпиграф: «Мне отмщение и Аз воздам». Но художник и пальцем не пошевелил, чтобы оправдать этот эпиграф⁸¹.

Борьба между разумом и чувством увлекает не только Анну, но и всю цепочку автора-повествователя-героя и адресата⁸². Даже если тема адюльтера и не находится в центре спора, тем не менее, слова критиков всегда пронизаны моральным суждением, как следует из слов Василия Авсеенко:

В ее [Анны] выборе увидели свидетельство ее собственной пустоты и даже... безнравственности. Последний пункт можно пройти молчанием, потому что позволительно усомниться в нравственности той теории, на основании которой наша критика «положила мораль» на Анну. Относительно же пустоты и, как выражаются наши газетные рецензенты, «пошлости этой женщины» нельзя не заметить, что пошлость есть понятие весьма относительное⁸³.

Даже Громека, один из немногих современников, демонстрирующий восхищение Анной и характеризующий ее как женщину последовательную и целостную, завершая ее портрет, утверждает: «[О]на погибла жертвой собственной страсти, бессознательно нарушившей непреложные законы человеческого общежития и нравственности»⁸⁴. История ее жизни показывает, что настоящий положительный персонаж – это Долли, которая простила и пожертвовала собой ради любви к семье и детям: именно она настоящая героиня романа: «Не блистающая Анна, не грациозная Китти, не они –

героини романа [...] а бесцветная на виде и ничем для большинства не очаровательная Долли»⁸⁵. Громека полагает, что превосходство чувства над разумом неизбежно приводит к трагическому концу. Тезис свободы чувств, происходящий из традиции революционеров-шестидесятников, развенчает судьба женщины, которая изменила супругу и старалась построить свое счастье на обломках своей же семьи:

[П]ринцип свободы к области чувства, любви, – эта quasi-либеральная вера в романе Анны получает смертельную рану. Художник доказал нам, что в этой области нет безусловной свободы, а есть законы [...]. Нельзя разрушить семью, не создав ей несчастья, и на этом старом несчастье нельзя построить нового счастья. [...] Брак все же есть единственная форма любви, в которой чувство спокойно, естественно и беспрепятственно образует прочные связи между людьми и обществом⁸⁶.

Константин Головин утверждает, что «Суд принадлежит не нам»⁸⁷, и все же внутреннее осуждение слегка заметно в его словах:

Она вся – непосредственное очарование, непосредственная страсть, не отдающая никому отчета и непоследовательная в своих проявлениях. [...] Да и зачем непременно судить? Пусть Анна, с своим грехом, с своим обаятельным легкомыслием, своей ужасной нелепой смертью, остается для нас загадкой, как любое человеческое существо, с каким мы встречаемся в жизни⁸⁸.

Николай Страхов, следивший за рождением и развитием романа с самых первых рукописей, которые Толстой представлял его вниманию, уже в письме от 23 июля 1874 г. отмечает, что центральная тема действия романа – это страсть. Он предчувствует, что стержень, вокруг которого развивается роман – это повествование о супружеской измене («дьявол»), и с самого начала он придерживается мнения, что осуждение должно пасть на Анну:

Отдавшись всею душою одному желанию – она отдалась дьяволу, и выхода ей нет. У Вас бесконечно оригинальна сама постановка страсти. Вы ее не идеализируете и не унижаете. Вы *единый справедливый* человек, так что Ваша *Анна Каренина* возбудит бесконечную жалость к себе, и всякому, однако же, будет ясно, что она виновата⁸⁹.

Положительно отзываясь о романе поэт Афанасий Фет в некоторых письмах⁹⁰ и в статье, которые посылает Толстому в личной переписке. Интерпретация Фета целиком заключается в словах, которые он предлагает как название романа: «Каренина, или похождения заблудшей овечки, и упрямый помещик Левин, или нравственное торжество искателя истины»⁹¹. По мнению поэта, художественный замысел романа вращается вокруг противопоставления двух персонажей (художественные близнецы)⁹²; с этой точки зрения Левин является положительным идеалом, человеком, ищущим правду, и служит противовесом Анне, женщине, которая пала жертвой чувств и условностей: «Будучи, очевидно, носителем положительного идеала, Левин представляет вполне народный тип, в лучшем и высшем значении слова»⁹³.

И Толстой заявляет, что полностью узнает себя в его словах:

Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалит меня; но я вполне, вполне согласен с нею; и мне очень радостно было читать анализ своих мыслей, при кот[ором] все мои мысли, взгляды, сочувствия, затаенные стремления поняты верно и поставлены все на настоящее место⁹⁴.

Либеральная критика почти единогласно презрительна по отношению к Анне. Внимание исследователей сосредоточено на рассмотрении аристократического окружения, на отсутствии действующих лиц низкого общественного происхождения, на идеализме Левина и на его идеях относительно аграрной реформы, считающихся мало убедительными из-за недостаточной конкретности в охвате проблемы⁹⁵. Суждение Александра Станкевича проникнуто ноткой морализма, и в статье, которую он публикует в либеральном журнале *Вестник Европы*, он изображает Анну как женщину легкомысленную, инфантильную, эгоистичную, «прекрасный мотылек», летающий вокруг пламени чувств и страстей:

[В] Анне более страстности, чем сердечности, что в любви ее более эгоизма, чем преданности, что в самой страсти ее более порывов, чем глубины, что образ ее может быть привлекателен детскою прелестью, игривостью и грацией, но что в нем нет красоты, достоинства и силы⁹⁶.

Его критика приводит его к тому, что он становится сторонником патриархальной семьи и той святости брака, которая делала этот институт таким прочным и нерушимым в течение веков:

В романе «Анна Каренина» автор представляет нам коллизию семейных обязанностей жены и матери – и потребностей любви, наслаждения и счастья женского сердца, неудовлетворенных в семье и напрасно ищущих удовлетворения вне ее, – коллизию, разрешающуюся катастрофой, самоубийством женщины, посягнувшей на святую семейной жизни⁹⁷.

Петр Ткачев, считая, что мастерство Толстого отражает пороки светского общества, утверждает, что судьба Анны отмечена потребностью Толстого понравиться своей высокопоставленной публике, которой он должен предложить финал, удовлетворяющий ее нравственные убеждения, то, что Ткачев определяет как «салонная мораль». Так как Анна нарушила все нормы общества того времени, писатель должен бесповоротно осудить ее:

С точки зрения салонной морали, Анна, дерзко нарушившая все «приличия» света, оскандализировавшая его своим поведением, открыто осквернившая святость и ненарушимость законом освященного семейного союза [...] должна была быть примерно наказана. Салонная мораль на этот счет очень строга⁹⁸.

Для современников Анна всего лишь прелюбодейка, которая отреклась от таинства брака.

Институт брака и критика

Моральное суждение, которое обличает Анну в глазах современников, тесно связано со с сутью брака по расчету, предусматривающей прелюбодеяние, супружескую измену но только если оно происходит за кулисами общественной жизни. Неписанный кодекс поведенческих норм до такой степени усвоен современниками, что все они единодушно осуждают Анну, изредка замечая, что один пласт романа вращается вокруг кризиса института брака по расчету.

Всеволод Соловьев, в отношении символической сцены, в которой Каренин пытается заключить своеобразный договор с женой, утверждает, что речь идет об ошибке автора, потому что

такое поведение со стороны Анны не только немислимо и неприемлемо, но невозможно. В вышеуказанной сцене Каренин заявляет, что игнорирует прелюбодеяние до того момента, когда оно не будет известно обществу: «Я игнорирую это. [...] Я игнорирую это до тех пор, пока свет не знает этого, пока мое имя не опозорено» (т. 18, с. 337). Следовательно, факт прелюбодеяния означает выносить это событие на суд общества, а не совершать измену супруга как таковую. Принятие героиней собственной вины становится ошибкой реальности: неправдоподобно, чтобы такое признание произошло в жизни.

В жизни можно изменять, но поступок не нужно объявлять супругу (который сделает вид, что не заметил его) и не нужно выставлять его перед обществом (которое будет о нем говорить в салонах, но шепотом). На этом рассуждении основано заявление Соловьева:

Это маленькая сцена прелестно рассказана; но, спрашивается, возможен ли подобный разговор в действительности? Могла ли *настоящая Анна Каренина* придать словам *настоящего* Алексея такую *интерпретацию*? Нам это кажется совершенно невозможным. Анна могла ненавидеть мужа, чувствовать к нему отвращение, презирать его; но она должна знать, что он, как порядочно воспитанный человек, да и, наконец, просто *как человек* в подобных обстоятельствах, *не может требовать противного всем нравственным понятиям человеческим* [курсив наш]. Никакой женщине, будь она Анна Каренина или кто угодно, в таком случае не придет даже в голову и мысль об этом⁹⁹.

По мнению Фета, однако, прелюбодеяние, семейный вопрос, роль женщины – это центральные темы романа, которые решаются Толстым в евангельских терминах, так, как показывает эпиграф: «Толстому предстояло разрешить вопрос о состоятельности известных теорий женской эмансипации. Во главе романа поставлено – 'Аз воздам'»¹⁰⁰. Писатель сознательно выбирает Анну, женщину из высших слоев русского общества, и ставит ее перед всеми препятствиями, которые встречает человек, занимающий такое общественное положение, и который настолько решает бросить вызов своим современникам, что производит на свет внебрачного ребенка:

Анна красива, умна, образована, влиятельна и богата. Уж если кому удобно безнаказанно перебросить чепец через мельницу, так, без сомнения, ей. Но, выставляя все благоприятные условия, граф Толстой не обошел ни непреднамеренно, ни по близорукости ни одного, в этом случае, враждебного замужней женщине условия. [...] У Карениной один сын, и это достаточно, чтобы привести ее эмансипацию к абсурду¹⁰¹.

По мнению поэта, выбор Толстым темы прелюбодеяния полностью осознан, а трагедия вызвана невозможностью для Анны продолжать жизнь в таком противоречии с нравами того времени:

Читатель, еще далеко до рокового колеса локомотива, чувствует, что Анна произнесла в душе свой смертный приговор. Ни вернуться к прежней жизни, ни продолжать так жить – нельзя. Граф Толстой указывает на «Аз воздам» не как на розгу брюзгливого наставника, а как на карательную силу вещей, вследствие которой человек, непосредственно производящий взрыв дома, прежде всех пострадает сам¹⁰².

Некий критик, подписавшийся В.А., более ясно замечает в произведении отражение изменений в общественном настроении относительно темы семьи и брака:

Читатели увидят, как тонко подметил автор те признаки переходного состояния наших общественных воззрений на семью, которые кладут печать нерешительности и колебания на семейные распорядки большинства нашего цивилизованного общества¹⁰³.

Но только Ваню находят в произведении Толстого симптомы социального разрушения, которое касается института брака:

[И]з поколения в поколение, из столетия в столетие и законодательство и религия твердят этим людям, что брак – необходимое, святое учреждение и мысль эта окрепла, развилась [...] и всякое грубое, осязательное нарушение брака рефлекторно вызывает реакцию. Сознательная же мысль недостаточно сильна для того, чтобы уяснить, что святость брака несовместима с галантными похождениями, и что дело вовсе не в соблюдении внешней формы¹⁰⁴.

Критик приходит к заключению, что *Анна Каренина* представляет реалистический портрет своей эпохи, нарисованный с огромным мастерством и величайшим искусством. В своих четырех статьях, опубликованных в *Свете*, автор основательно рассматривает каждого из главных персонажей произведения Толстого, взывая к отцам «реальной критики» (в частности, Белинскому и Писареву) и к философии Спенсера, и утверждает, что они взяты из жизни и являются отражением представителей высших слоев русского общества. К сожалению, они «полулюди», лишенные какой-либо критической способности, они изначально принимают священность института брака со всеми его сложностями. Эти люди действуют рефлекторно, бессознательно, внутренне усвоив законы своего общества, и Вронский является живым символом всего этого: «Во всем – рефлекс, бессознательный рефлекс, вызываемый часто совершенно случайно, извне»¹⁰⁵. На фоне общества, населенного марионетками, ярко выделяется образ Анны. Одаренная сознательным мышлением, огромной жизненной силой, но задыхающаяся от полученного воспитания и от окружающего общества, она обречена на гибель. Главный обвиняемый – это русская система воспитания, которая исходит из семьи и постепенно проникает и в другие институты, занимающиеся образованием, и формирует ментальность и образ мышления современников. К сожалению, констатирует автор, даже недавний спор по женскому вопросу не привнес никаких изменений:

Анна, несмотря на все богатство своей природы, не может найти никакого смысла в жизни помимо своей привязанности к сыну или к Вронскому. Из всего, что было написано по так называемому женскому вопросу, едва ли найдется хоть одно столь наглядное изображение необходимости коренного изменения в воспитании женщин, как это объективное, спокойное развитие судьбы современной умной женщины¹⁰⁶.

По мнению Ваню, только воспитание и привитие навыков свободного мышления сможет освободить женщину от семейного ига и от порабощения в роли жены и матери.

[Е]два ли кто-либо решится обвинять Толстого в утрировке характера Анны. Как и все разобранные нами лица романа Толстого, так и Анна, должна быть признана за вполне живой и правдивый тип. Все уродливости, темные стороны ее характера принадлежат, как мы видели, к неизбежным последствиям того поколения и воспитания, которые в течение долгих столетий выпадали на долю женщин и превращали менее счастливо одаренных из них в простых самок, а женщин с более высокою нервно-мозговою систему в несчастных надломанных жизнью созданий¹⁰⁷.

Александр Станкевич, брат более известного Николая Владимировича, также подтверждает гипотезу большой ценности *Анны Карениной* как социального романа:

Нельзя не видеть заслуги автора «Анны Карениной» и в том, что он призывает внимание и сознание читателей к явлениям весьма распространенным в нашем обществе и, до некоторой степени, уясняет нам значение этих явлений¹⁰⁸.

Авсеенко замечает в романе другую тему, волнующую Россию конца XIX века, это – развод и невозможность расторгнуть брачный контракт старого образца для заключения нового брака¹⁰⁹:

В самой основе романа лежит идея, которую, конечно, нельзя назвать мелкою или безынтересною. Это не новый, но тем не менее все еще остающийся открытым вопрос о любви между мужчиной и женщиной, не имеющими возможности вступить в брак, потому что одна из сторон уже находится в браке. Автор, по-видимому, намерен глубоко исчерпать эту идею, или эту задачу, в своем произведении¹¹⁰.

Дискуссия о правах женщин, о невозможности расходиться и разводиться с мужьями, часто жестокими, заполняет русскую прессу последней четверти XIX века и, несомненно, роман великого писателя способствует разжиганию дискуссии, вбрасывая зёрна сомнения в мысли читателя, который задается вопросом о моральности Анны. В любом случае, Авсеенко, даже улавливая центральную тему, не понимает новизны произведения и, как жертва романтической концепции литературы, судит о нем как о проявлении искусства, связанного с прошлым, когда героини изображались сентиментальными и одаренными женственностью¹¹¹.

Против такой интерпретации возражает критик и юрист с умеренно либеральными взглядами Александр Чебышев-Дмитриев, который обвиняет в пустоте высшие слои русского общества, изображенные Толстым и представленные в романе Облонским и Вронским. В то время как Авсеенко оценивает традиции, переданные семьей Щербацких и Левиным, Чебышев-Дмитриев нацеливает свою критику против распутных нравов Степана Аркадьевича и поверхностных любовных увлечений Вронского, и по сему поводу иронизирует:

Я готов признать, что Облонский при этом, действительно, проявил себя истинным сыном «культурной среды», на которого «красота и свежесть производят впечатление», – даже до адюльтера¹¹².

Некий критик из *Сына отечества* полемизирует с тем, что утверждает Авсеенко, и отрицает, что речь идет о романе, ставящем на повестку дня тему института брака, полагая, что интрига разворачивается вокруг темы чисто плотской любви, страсти, оторванной от какого-либо рассмотрения, касающегося брака (по расчету):

Мы здесь вовсе не видим этой любви, задержимой только тем, что одна сторона состоит в браке; мы даже не видим и попользования этих сторон освятить ее браком, а просто видим самую простую и плотскую любовь между порядочно-пустыми людьми¹¹³.

На страницах *Гражданина*, носителя идей охранительства, читаем другое изложение семейного вопроса. Слова рецензента показывают, насколько правила брака-контракта укоренились в

образе мышления того времени, особенно в умонастроениях консервативного толка. С этой точки зрения требование Каренина сохранить видимость спокойной супружеской жизни в глазах общества, чтобы не вызывать шума, в согласии с неписаными нормами и правилами, которые руководили поведением супругов, заключивших брак по расчету, считается «разумным и скромным»:

Главною темою рассказа служит семейный разлад между Карениным и его женою Анною [...]. Хладнокровно обсудив свое положение, оскорбленный муж, во избежание всяких толков, не изменяет пред другими своих отношений к жене и, требуя от нее соблюдения внешних приличий, ставит для нее непременно условием, чтобы она только не принимала Вронского у себя в доме. Разумное и довольно скромное требование это не выполняется Анною¹¹⁴.

Михаил Громека догадывается о социальной сути романа. Будучи близким к идеям Толстого и находясь под влиянием его педагогических воззрений, он публикует в 1883 г. очерк *Последние произведения гр. Л.Н. Толстого*, который пользуется большим успехом и отличается положительным отношением к произведениям Толстого, именно в тот момент, когда дискуссия в отношении этих произведений была особенно придирчивой¹¹⁵. Он сам утверждает, что социальная суть произведения ускользнула от современников, которые читают литературу только в народнических и славянофильском ключе и которые не поняли, что *Анна Каренина* есть роман общественный, в наиболее глубоком значении этого слова¹¹⁶. Это равным образом роман семейный и философский, который затрагивает тему брака и семьи:

Роман, главное содержание которого есть дилемма семейного счастья и история душевной эмансипации рефлектирующего русского человека XIX столетия, есть роман семейный и философский прежде всего. Но он, в то же время, и общественный, так как в нем выводится человек, воплощающий в себе момент истории общественного духа. Глубокое проникновение в сущность таких основных в общественной жизни вопросов, как брак и семья, рисует таинственные рассудку формы человеческого общежития¹¹⁷.

Не только Анна является символом драматической коллизии между чувством и расчетом, но также Левин (которого Громека считает исключительно положительным персонажем), с его внутренней борьбой философского и религиозного порядка, представляет собой зеркальное отражение своего времени, переломной и переходной эпохи, и это превращает роман в социальный портрет времени.

Заключение

Роман *Анна Каренина* остается непонятым для современной ему публики, потому что главный персонаж чужд русской литературной культуре того времени. Как считает тот же Громека: «Дело в том, что основные точки зрения, дух, направление художника оказались слишком далеко отошедшими от воззрений и умственного склада большинства его читателей»¹¹⁸.

Толстой, как внимательный читатель и глубокий знаток французской прозы, пишет роман, который незаметно переключается с западным адюльтерным романом и, в частности, с «Госпожой

Бовари» и по праву вписывается в пласт европейской литературы¹¹⁹. Автор обращается к Руссо, Флоберу и Золя, чтобы сформировать свой персонаж, придавая форму новой русской прозе на рубеже веков и опережая героинь Чехова, олицетворяющих социальные изменения конца века. В то же время произведение прививается и к русской традиции, как показывает славянофильская тема или персонаж Левина, пропитанный типично русскими философско-культурными и религиозными размышлениями.

Анна же, противоположность Левину, идет против литературной и критико-философской традиции того времени и не подчиняется правилам современного для нее романа. Со своим разрывающим традиции поведением она нарушает литературный кодекс эпохи и остается чуждой читателю, тем более, что не является продуктом пера либерального автора, но графа Толстого. На фоне традиционного романа Толстой создает персонаж, который не приспосабливается к его правилам: Анна, одаренная чувствами более, чем разумом, решает пойти против общественного мнения, чтобы утвердить свой способ мыслить и «чувствовать». Это ликование чувств неизбежно приводит ее к смерти, которая дает рождение новому поколению женщин-героинь. Вместе с тем поведение Анны превращает произведение Толстого из обычного семейного романа в «сейсмограф» брачного института. Большой пласт романа затрагивает один из крупных дисциплинарных институтов общества - семью¹²⁰, которую он выводит на первый план общественного кризиса. Переход от «диспозитива супружеского союза» - брака по расчету к «диспозитиву сексуальности» - буржуазного брака активизируется именно с признания чувств, которые берут верх над расчетом¹²¹. Бунт Анны ради утверждения этих эмоций обозначает новую эпоху и рождение новой семьи. Это изменение уже полностью воплотится в «Крейцеровой сонате», которая вызовет много шума, как в России, так и за рубежом.

Критика конца века находится еще под слишком заметным влиянием идеалов народничества, охранительства, неославянофильства, чтобы осознать это послание, и все же бесспорным является след, оставленный этим романом в ментальности современников. Кризис модели брака и альтернатива, предложенная Анной, проникают в сознание читателя, чтобы несколькими годами спустя вызвать большую дискуссию, которой будет охвачена «Крейцера соната», до и после ее опубликования¹²². Кажется, что читатель впитал, но бессознательно, «чужое слово», произнесенное Карениной, открыто ее осуждая, так как оно «оскорбляет общепринятую благопристойность», но, тем не менее, молчаливо усваивая ее речь. Ее «неприличный» язык произвел свое «художественное воздействие» на читателя и «история ментальностей» – утвердилась очередной раз как «история замедлений в истории».

Перевод с итальянского Л. Бескровной

Maria Zalambani
Associate Professor of Russian Literature
Alma Mater Studiorum – University of Bologna
Forlì Campus
Corso della Repubblica, 136

47121 Forlì
Italy

Personal address:
Via Canalazzo, 73
48123 Ravenna
Italy
Tel. Fax: +39 0544 500022

maria.zalambani@unibo.it

Благодарю за умелые и проницательные замечания коллегу и подругу Антонеллу Саломони.

¹ Б. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.) в двух тт.*, СПб., Буланин, 1999, т. 1, сс. 250-257.

² См. М. Заламбани, 'Институт брака в романе «Анна Каренина»', *НЛО*, 2011, 112, С. 157-177.

³ J. Le Goff, *Les mentalités: une histoire ambiguë*, in *Faire de l'histoire. III*, Gallimard, Paris, 1974, p. 120.

⁴ В. Gasparov, *Introduction*, in *The Semiotics of Russian cultural history. Essays by Iurii M. Lotman, Lidiia Ia. Ginsburg, Boris A. Uspenskii*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1985, p. 13.

⁵ М.В., 'Новости русской литературы', *Новости*, 1875, 134, в В. Зелинский, *Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого*, Москва, 1912, сс. 53-54.

⁶ *Отечественные записки*, 1875, 5, сс. 106-149; 6, сс. 311-334; 7, сс. 165-202.

⁷ Н. Михайловский, 'Записки профана. Десница и шуйца Льва Толстого', *Отечественные записки*, 1875, 6, сс. 320-321.

⁸ П. Никитин [П. Ткачев], 'Критический фельетон', *Дело*, 1875, 5, с. 27.

⁹ Там же, с. 23.

¹⁰ Там же, с. 19.

¹¹ Там же, с. 37.

¹² Там же, сс. 41-42.

¹³ П. Никитин [П. Ткачев], 'Салонное художество', *Дело*, 1878, 4, с. 320.

¹⁴ В силу своего либерального прошлого Суворин непосредственно после покупки *Нового времени* поначалу сохранял некоторую прогрессивную направленность своей газеты, но вскоре он начал переходить на консервативные позиции.

¹⁵ А. Суворин, *Очерки и картинки*, т. 1, СПб., 1875, с. 21. По правде говоря двумя годами позже Суворин посвящает роману хвалебные слова: «Автор не пощадил ничего и никого и выставил любовь с таким трезвым реализмом, до которого у нас никто не возвышался; нигде не перешел он границу этой правды, нигде не попустил инстинктам сладострастия. Истинный художник остался верен законам реализма, законам страсти и, сорвав поэтический ореол с нее, представил ее в *настоящем* виде». А. Суворин, 'Литературные очерки', *Новое время*, 1877, с. 432, цит. в Н. Гусев, *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год*, Москва, 1963, с. 432, в <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/chronics/g63/g63.htm> (21.12.2011).

¹⁶ Заурядный читатель [А.М. Скабичевский], 'Мысли о текущей литературе', *Биржевые ведомости*, 1875, 77, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., сс. 62-63.

¹⁷ Заурядный читатель [А.М. Скабичевский], 'Мысли о текущей литературе', *Биржевые ведомости*, 1875, 77, Указ. соч., с. 70. В 1876 г. Скабичевский отстаивает свои позиции в новой статье, посвященной продолжению *Анны Карениной*. См. Заурядный читатель [А.М. Скабичевский], *Биржевые ведомости*, 1876, 70, в В. Зелинский, *Русская критическая литература ...*, Указ. соч., сс. 223-230.

¹⁸ А. Скабичевский, 'Разлад художника и мыслителя', *Русское богатство*, 1880, 1, сс. 1-34.

¹⁹ Там же, с. 6.

²⁰ Там же, с. 23.

²¹ Там же, с. 32.

²² Z.Z.Z., 'Литературные и общественные заметки', *Одесский вестник*, 1875, 69, в В. Зелинский, *Русская критическая литература ...*, Указ. соч., с. 81.

²³ М. Салтыков, 'Письмо П.В. Анненкову 9 марта 1875 г.', в *Собрание сочинений в двадцати томах*, т. 18, II, Москва, 1965, в http://www.rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_18_2/01text/1004.htm (21.11.2011).

²⁴ М. Салтыков-Щедрин, 'Письмо П.В. Анненкову 2 декабря 1875 г.', в *Собрание сочинений в двадцати томах*, т. 18, I, Москва, 1965, с. 233, в http://www.rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_18_2/01text/1004.htm (29.11.2011).

²⁵ И. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем в 13т.*, т. 11, Москва-Ленинград, 1966, с. 24. Находим те же мысли в письмах Александре Плетневой (Там же, с. 25), Павлу Анненкову (Там же, с. 34), Александру Топорову (Там же, сс. 49-50).

²⁶ Там же, с. 80. См. также письмо Юлии Вревской (Там же, с. 230).

- ²⁷ П. В-б-а [П.И. Вейнберг], Русская журналистика, *Пчела*, 1876, 1, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 187.
- ²⁸ В. Марков, 'Художественно-консервативный роман', в Его же, *Навстречу: очерки и стихотворения*, СПб., 1878, сс. 404-449.
- ²⁹ Рим. 12, 19.
- ³⁰ В. Марков, 'Художественно-консервативный роман', Указ. Соч., с. 414.
- ³¹ Там же, с. 416.
- ³² Там же, с. 423.
- ³³ Г. Успенский, 'Письмо в редакцию газеты "Обзор" 22 декабря 1878 г.', в *Собрание сочинений в 9 т.*, т. 9, Москва, 1957, с. 64, в http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_0280.shtml (22.11.2011). В действительности проект не будет доведен до конца.
- ³⁴ [Вс.С. Соловьев], 'Sine Ira', *С.-Петербургские ведомости*, 1875, 39, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 3.
- ³⁵ Там же, сс. 1-2.
- ³⁶ Там же, с. 9.
- ³⁷ [Вс.С. Соловьев], 'Sine Ira', *С.-Петербургские ведомости*, 1875, 65, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 88.
- ³⁸ Характерными по данному поводу являются слова Зиммеля о тайне измены: «Даже тайна поддерживается сознанием того, что ее можно выдать, и иметь в руках, таким образом, возможность вызывать изменения судьбы и сюрпризы, радости и разрушения, возможно даже только саморазрушение». G. Simmel, 'Il segreto e la società segreta', in Id., *Sociologia*, Torino, 1998, p. 312.
- ³⁹ Цитаты из *Анны Карениной* взяты из Л.Толстой, *Полное собрание сочинений в 90 томах*, репринт изд. 1928-1958 гг., тт. 18-19, Москва, 1992. Приводим в тексте только номер тома и страницу.
- ⁴⁰ [Вс. С. Соловьев], 'Sine Ira', *С.-Петербургские ведомости*, 1875, 65, Указ. соч., с. 92.
- ⁴¹ [Вс. С. Соловьев], 'Sine Ira', *С.-Петербургские ведомости*, 1875, 105, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 113.
- ⁴² Там же, с. 114.
- ⁴³ Имеется в виду сцена, расцениваемая некоторыми неприличной и непристойной, в которой Китти, брошенная Вронским, впадает в болезненное состояние и подвергается тщательному осмотру со стороны известного врача. Это описание вызвало шумиху со стороны критики, которая утверждала, что совсем не было необходимости в длинном и подробном повествовании о том, как молодой и известный врач обязывал девушку из хорошей семьи обнажаться в его присутствии, чтобы пройти тщательный осмотр.
- ⁴⁴ Н. Лесков, 'Письмо И.С. Аксакову 23 марта 1875 г.', в *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 10, Москва, 1956-1958, с. 388, в http://www.rvb.ru/leskov/01text/vol_10/02letters/173.htm (29.11.2011). Лесков снова подтверждает свое мнение в следующем письме: «Третий кус "Анны Карениной", по-моему, столь же хорош, как и первые два». Н. Лесков, 'Письмо И.С. Аксакову 6 апреля 1875 г.', в *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 10, Указ. соч., с. 394.
- ⁴⁵ Василий Авсеенко, также как Михаил Катков и Константин Леонтьев, является сторонником течения охранительства и видит в защите религиозных и национальных традиций народа необходимое условие для сохранения крепкого общественного строя. Главные органы этого течения *Русский вестник*, *Московские ведомости* и *Современная летопись*. Также и *Гражданин* входит в орбиту охранительства.
- ⁴⁶ А.О. [В.Г. Авсеенко], 'Очерки текущей литературы', *Русский мир*, 1875, 69, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 40.
- ⁴⁷ А. [В.Г. Авсеенко], 'По поводу нового романа графа Толстого', *Русский вестник*, 1875, 5, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 166.
- ⁴⁸ К. Леонтьев, 'Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой', *Гражданин*, 1888, в http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0080.shtml (09.11.2011).
- ⁴⁹ К. Леонтьев, *О романах гр. Л.Н. Толстого*, [1890], Москва, 1911, с. 125, в <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/leo/leo-001-.htm?cmd=p> (09.11.2011).
- ⁵⁰ Там же, с. 136.
- ⁵¹ «Роман Толстого читаю только под колоколом, ибо иначе нет времени. Роман довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу». Ф. Достоевский, А. Достоевская, *Переписка*, Москва, 1979, в http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0670.shtml (22.11.2011).
- ⁵² Ф. Достоевский, *Дневник писателя за 1877 год*, в *Собрание сочинений в 15 томах*, СПб., 1995, т. 14, с. 236.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же, с. 237.
- ⁵⁵ Там же, сс. 227-228.
- ⁵⁶ Достоевский выражает свою мысль в 'Признания славянофила' (Ф. Достоевский, *Дневник писателя за 1877 год*, Указ. соч., т. 14, с. 229-233). См. также А. Walicki, *Una utopia conservatrice*, Torino, 1973, pp. 524-551.
- ⁵⁷ Ф. Достоевский, *Дневник писателя за 1877 год*, Указ. соч., т. 14, сс. 228-229.

⁵⁸ Страхов, верный сторонник Толстого, является также ярким защитником “органической критики”, верит в искусство ради искусства и считает, что в основе русского творчества лежат его отношения с духовной культурой и национальным сознанием русского народа.

⁵⁹ *Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1870-1894*, Санкт-Петербург, 1914, сс. 137-138, в <http://dlib.rsl.ru/view.php?path=/rsl01003000000/rsl01003343000/rsl01003343610/rsl01003343610.pdf#?page=139> (29.11.2011).

⁶⁰ Н. Страхов, 'Взгляд на текущую литературу', *Русь*, 1883, 1, сс. 52-60; 2, с. 33-42. Статья в последующем будет включена в *Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом*, СПб., 1885, в http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0130.shtml (01.12.2011).

⁶¹ К. Головин, *Русский роман и русское общество* [1897], СПб., 1904, с. 359.

⁶² Н. Страхов, *Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Томы I, II, III, и IV* [1869], в http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0110.shtml (08.09.2011).

⁶³ В. Чуйко, 'Литературное обозрение', *Пчела*, 1878, 3, с. 46.

⁶⁴ Г. Спенсер (1820-1903), английский философ и социолог, сторонник теории эволюционизма, которую применял в философии, психологии и социологии. Автор *Принципов психологии* (1855). И. Тэн (1828-1893), французский философ, историк и литературный критик. В своем трактате *О разуме* (1870) он входит в живой спор о культуре того времени, касающийся основания экспериментальной психологии. Тэн подчеркивает мысль о внутреннем характере бессознательного в сознательных явлениях и связи между миром психическим и миром физиологическим. Эдуард фон Гартман (1842-1906), автор *Философии бессознательного* (1869), в которой пересматривает и интерпретирует философию Шопенгауэра через мотивы, взятые у Гегеля, Шеллинга и из естественных наук. Занимался также эстетикой, психологией и философией религии.

⁶⁵ В. Чуйко, 'Литературное обозрение', Указ. соч., с. 47. См. тж. Х.У.З. [В.В. Чуйко], 'Очерки литературы', *Голос*, 1875, 105, в Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 105.

⁶⁶ Х.У.З. [В.В. Чуйко], 'Очерки литературы', *Голос*, 1875, 37, в Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 19. В следующей статье автор утверждает подлинность психологических способностей Толстого. Х.У.З. [В.В. Чуйко], 'Очерки литературы', *Голос*, 1875, 72, в Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 101.

⁶⁷ Ваню, 'Анна Каренина Л. Толстого в социально-педагогическом отношении', *Свет*, 1879, 10, с. 225.

⁶⁸ Ваню, 'Анна Каренина Л. Толстого в социально-педагогическом отношении', *Свет*, 1879, 12, с. 485.

⁶⁹ 'Литературная хроника', *Дон*, 1875, 18, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 24.

⁷⁰ М.В., 'Новости русской литературы', *Novosti*, 1875, 134, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., сс. 51-62.

⁷¹ Там же, с. 61.

⁷² А. [В.Г. Авсеенко], 'Литературное обозрение', *Русский вестник*, 1876, 1, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 211.

⁷³ А. Суворин, 'Литературные очерки', Указ. соч., с. 432.

⁷⁴ М. Громека, *О Л.Н. Толстом (Критический этюд по поводу романа "Анна Каренина")* [1883], Москва, 1914, с. 30. После этой статьи последовала яростная реплика Владимира Мещерского, который пункт за пунктом разбирает аргументацию Громеки, не затрагивая однако произведение Толстого (см. Князь Кемский [псевд. В. Мещерского], *Анна Каренина под ножом критики (По поводу ст. Громеки)*, СПб., 1885).

⁷⁵ К. Леонтьев, *О романах гр. Л.Н. Толстого*, Указ. соч., с. 15.

⁷⁶ Ф. Достоевский, *Дневник писателя за 1877 год*, Указ. соч., т. 14, с. 237.

⁷⁷ R. Barthes, *L'effet de réel*, in *Littérature et réalité*, Paris 1982, p. 89.

⁷⁸ *Новости*, 1875, 65, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 20.

⁷⁹ М. Громека, *О Л.Н. Толстом*, Указ. соч., сс. 32-33.

⁸⁰ [Вс. С. Соловьев], 'Sine Ira', *С.-Петербургские Ведомости*, 1875, 105, Указ. соч., с. 114.

⁸¹ А. Скабичевский, 'Разлад художника и мыслителя', Указ. соч., с. 17.

⁸² Ж. Женетт, *Фигуры*, Москва, 1998, т. 2.

⁸³ А.О. [В.Г. Авсеенко], 'Очерки текущей литературы', Указ. соч., с. 46.

⁸⁴ М. Громека, *О Л.Н. Толстом*, Указ. соч., с. 12.

⁸⁵ Там же, с. 73.

⁸⁶ Там же, с. 64.

⁸⁷ К. Головин, *Русский роман и русское общество*, Указ. соч., с. 374.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ *Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1870-1894*, Указ. соч., с. 57-58. Об Анне Карениной как романе о супружеской измене ср. D. Rancour-Laferriere, 'Anna's Adultery: Distal Sociobiology vs. Proximate Psychoanalysis', in *Tolstoy Studies Journal*, 1993, 6, pp. 33-46; H. Goscolo, 'Motif-Mesh as Matrix: Body, Sexuality, Adultery, and the Woman Question', in L. Knapp, A. Mandelker (a. c. di), *Approaches to Teaching Tolstoy's Anna Karenina*, New York, 2003, pp. 83-89; J. Armstrong, 'Anna Karenina and the Novel of Adultery', *ivi*, pp. 117-123.

- ⁹⁰ См. *Литературное наследство*, Москва, 1939, тт. 37-38, кн. 2, сс. 214-215; 219-220; 222-226, в <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/t37/t3722252.htm?cmd=p> (16.11.2011).
- ⁹¹ А. Фет, 'Что случилось по см[ерти] Анны Кар[ениной] в Русск[ом] В[естнике]', в *Литературное наследство*, Указ. соч., тт. 37-38, с. 237, в <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/default.asp> (27.09.2011).
- ⁹² Там же, с. 238.
- ⁹³ Там же, с. 236.
- ⁹⁴ Л. Толстой, 'Письмо Фету 1-2 сентября 1877 г.', в *Полное собрание сочинений в 90 тт.*, Указ. соч., т. 62, с. 340. Ср. также Н. Гусев, *Лев Николаевич Толстой...*, Указ. соч., с. 407, в <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/chronics/g63/g63.htm> (06.10.2011). Статья Фета - это ответ на статью Каткова, в которой последний объясняет отказ публиковать последнюю часть романа в своем журнале: [М. Катков], 'Что случилось по смерти Анны Карениной', *Русский вестник*, 1877, 7, с. 448-462. Письмо Фета никогда не было опубликовано, но в его архиве сохранилась рукопись, хотя и незавершенная.
- ⁹⁵ Станкевич остро критикует этот персонаж, философско-религиозные рассуждения которого и проекты относительно аграрного вопроса кажутся поверхностными и противоречивыми. См. А. Станкевич, 'Каренина и Левин', *Вестник Европы*, 1878, 5, сс. 172-193. То же можно сказать в отношении Ткачева ('Салонное художество', *Дело*, 1878, 4, сс. 284-307).
- ⁹⁶ А. Станкевич, 'Каренина и Левин', *Вестник Европы*, 1878, 4, с. 816.
- ⁹⁷ Там же, с. 786.
- ⁹⁸ П. Никитин [П. Ткачев], 'Салонное художество', *Дело*, 1878, 4, с. 323.
- ⁹⁹ Вс. С[оловьев], 'Современная литература', *Русский мир*, 1876, 46, в В. Зелинский, *Русская критическая литература ...*, Указ. соч., сс. 211-218. Это его суждение подкрепляется тем, что им утверждалось ранее относительно безнравственного поведения героини. См. [Вс.С. Соловьев], 'Sine Ira', *С.-Петербургские Ведомости*, 1875, 65, 105, Указ. соч.
- ¹⁰⁰ А. Фет, 'Что случилось по см[ерти] Анны Кар[ениной] в Русск[ом] В[естнике]', Указ. соч., с. 234.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Б.А. [Борис Алмазов?], 'Библиография', *Газета Гатицука*, 1875, 5, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 33.
- ¹⁰⁴ Ваню, 'Анна Каренина Л. Толстого в социально-педагогическом отношении', *Свет*, 1879, 10, с. 219.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 220.
- ¹⁰⁶ Ваню, 'Анна Каренина Л. Толстого в социально-педагогическом отношении', *Свет*, 1879, 12, сс. 486-487.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 488.
- ¹⁰⁸ А. Станкевич, 'Каренина и Левин', *Вестник Европы*, 1878, 4, сс. 819-820.
- ¹⁰⁹ О разводе см. А. Способин, *О разводе в России*, Москва, 1881; К. Кавелин, *Собрание сочинений*, СПб., 1900, т. IV, сс. 1066-1083; А. Загоровский, 'О разводе по русскому праву' [1884], в Н. Пушкарева, Л. Бессмертных (а с. di), "А се грехи злые, смертные...", кн. 3, Москва, , 2004, сс. 7-330; А. Загоровский, *Курс семейного права* [1902], Москва, Зеркало, 2003; М. Кулишер, *Развод и положение женщины*, СПб., 1896.
- ¹¹⁰ А. [В.Г. Авсеенко], 'По поводу нового романа графа Толстого', Указ. соч., с. 165.
- ¹¹¹ Там же, с. 180.
- ¹¹² Екс [А.П. Чебышев-Дмитриев], *Новое время*, 1875, 49, в В. Зелинский, *Русская критическая литература ...*, Указ. соч., с. 50.
- ¹¹³ *Сын отечества*, 1875, 145, в В. Зелинский, *Русская критическая литература...*, Указ. соч., с. 186.
- ¹¹⁴ 'Анна Каренина', *Гражданин*, 1876, 11, в В. Зелинский, *Русская критическая литература ...*, Указ. соч., с. 204.
- ¹¹⁵ *Русская мысль*, 1883, 2-4, публикуется отдельно еще два раза, в 1893 г. выходит под названием *О Л.Н. Толстом (Критический этюд по поводу романа "Анна Каренина")* и переиздается шесть раз до 1914 г. Громека послал на рассмотрение свою статью Толстому, который сказал, что чувствовал себя ободренным, увидев, кто излагал его мысли публике. См. Л. Толстой, 'Письмо М.С. Громеке. Январь 1883 г.', в *Полное собрание сочинений в 90 тт.*, Указ. соч., т. 63, сс. 129-130,
- ¹¹⁶ М. Громека, *О Л.Н. Толстом*, Указ. соч., с. 100.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же, с. 7.
- ¹¹⁹ Б. Эйхенбаум, *Лев Толстой. Семидесятые годы*, в Его же, *Работы о Льве Толстом*, СПб., 2009, сс. 641-642; P. Meyer, *How the Russians Read the French*, Madison, Wis., 2008, pp. 152-209; *Tolstoy Studies Journal*, 'Special Issue: Anna Karenina', 1995-1996, 8.
- ¹²⁰ М. Фуко, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, Москва, 1996.
- ¹²¹ Там же, сс. 207-208.
- ¹²² Cf. P. Ulf Møller, *Postlude to the Kreutzer Sonata: Tolstoj and the debate on sexual morality in Russian literature in the 1890*, Leiden – N.Y. – Copenhagen – Koeln, 1988.